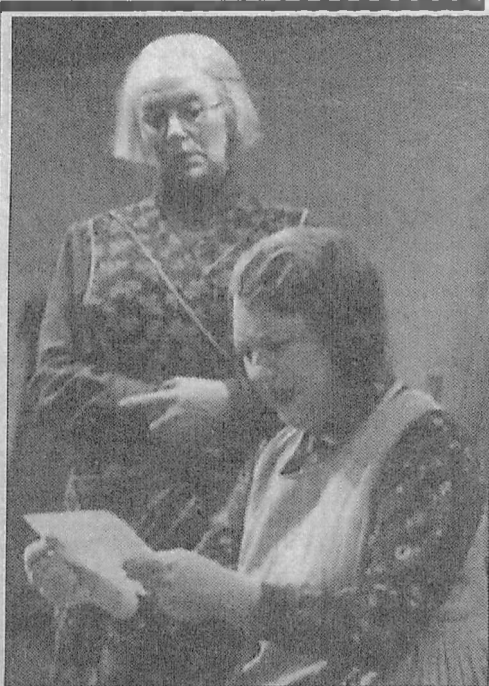

Лондонские трагики и комики

Галина КОВАЛЕНКО

Моем гидом по театальному Лондону 1997 года была Сидни Блейк, художественный руководитель и режиссер студии "Лирический театр", входящей в "Театр проклятых поэтов" в Хэммерстэде. Она окончила Королевскую академию драматического искусства в Лондоне, стажировалась в знаменитой "Эсторз Студио" у Ли Страсберга, страстного пропагандиста системы Станиславского. Среди ее последних постановок — пьесы Пинтера, Уильямса, Расина. Этапной работой стал спектакль "Катерина" по пьесе Леонида Андреева "Катерина Ивановна". Английскую публику с этой пьесой в 1926 году познакомил Ф.Ф. Комиссаржевский, показав спектакль в рамках "Русских сезонов" с никому тогда неизвестным молодым Джоном Гилгудом. Критика назвала тот спектакль "подлинным театральным триумфом". Однако перевод был далеко неадекватен пьесе, казавшейся Англии, в которой еще крепко сидел викторианский дух, чересчур эротической. Сидни Блейк, влюбленная в Андреева, прочла о нем все, что написано на английском и французском. Она попросила сделать новый перевод Джереми Клайна, по его признанию, "вовлекла его в эту затею", и родился спектакль, вызвавший большой интерес у публики и критики. Не владея русским, Сидни Блейк хорошо знакома с русской культурой. Она стала моей Ариадной по театальному Лондону, нить которой я продолжала держать, работая над этими заметками. Прежде всего я хотела увидеть "несметноликого", по выражению Кольриджа, Шекспира. В первый вечер мы отправились в старинный красивейший Риджент Парк, в котором разместился "Открытый театр" — новая шекспировская труппа, играющая под открытым небом. Если не повезет с погодой, можно сдать билеты или прийти с этими же билетами на любой другой спектакль, что ожидало и меня. Шел проливной дождь, и я попала в "Открытый театр" в последний день моего пребывания в Лондоне.

На следующий день я смотрела "Виндзорских насмешниц" в Королевском Шекспировском театре в Стратфорде-на-Эвоне, родине Шекспира. Городок сохраняет все приметы "доброй старой Англии". Несмотря на полчища туристов, обилие гостиных, номера, которых надо заказывать заранее, природа осталась нетронутой. Невольно вспомнилось, что по преданию в комедии "Сон в летнюю ночь" Оберон именно в Стратфорде говорит: Есть холм в лесу: там дикий тмин растет, Фиалка рядом с буквицей цветет, И жимолость свой полог ароматный Сплела с душистой розой мускатной. (Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник).

Спектакль "Виндзорские насмешницы" восхищает строгой классичностью. Большая сцена великолепного нового здания благодаря сценографии Тима Гудчайлда являет продолжение зеленых полей и лугов, мелькающих за окнами поезда, доставляющего из Лондона в Стратфорд. Дорога занимает два с лишним часа, и пейзаж не дает скучать. Шекспир, разворачивая действие в Виндзоре, тем не менее подразумевал родной городок.

В буклете перечислены все спектакли по "Виндзорским насмешницам", которые шли на сцене Шекспировского театра. Заметим, что Ф.Ф. Комиссаржевский в 1935 году ставил эту комедию в этом театре. Последняя постановка "Насмешниц", осуществленная в 1985 году Биллом Александером, была исполнена ностальгии по 50-м годам нашего века. В спектакле на улицах виндзорских улиц собирались юные стилисты.

В нынешнем спектакле, поставленном Иа-

ном Джаджем, река жизни течет то неторопливо, то стремительным потоком, то полностью замирая. Люди живут полной жизнью, в ней есть место житейским страстям, любовным томлениям и скандалам. Центром этой жизни является сэр Джон Фальстаф (удивительный актер Лесли Филипс), истинный "трактирный Геркулес", "толстый буян", "жирный рыцарь". Актер не нарушает ансамбля спектакля: каждый персонаж ведет свою партию так, словно невидимый дирижер управляет этим прекрасным оркестром. Обе проказницы: миссис Форд (Сьюзен Йорк) и миссис Пейдж (Джоанна МакКаллум) наделены большой жизненной силой и энергией. Несмотря на возраст матрон, обе — неутомимые шутницы, полные молодого задора. Их мужья явно уступают им в чувстве юмора. Спокойный, уравновешенный мистер Пейдж (Пол Гринвуд) и нервный ревнивец мистер Форд (Эдвард Петербридж).

В сцене, когда Фальстафа прячут в корзину с грязным бельем, публика буквально покачивается со смеху. Четверо дюжих молодых, кряхтя и охая, с трудом поднимают корзину и, сбиваясь с шага, несут ее прочь. Эта выразительная пантомима отнюдь не задерживает развитие действия. Унижению Фальстафа нет предела, он не вызывает сочувствия, ведь он изменил сам себе, решив "научиться расчетливости века своего". В финале Фальстафа вовлекают в веселый карнавал, в нем принимает участие весь Виндзор, превратив рыцаря в жертву своего необузданного жестокого веселья. И тогда философ-эпикурец Фальстаф понимает, что пережил свое время, не за горами Старуха с козой, внося в общее веселье патетическую ноту: Memento mori.

Спектакль "Умбата" ("Зулусский Макбет") был показан в недавно отстроенном в своем изумительном виде шекспировском "Глобусе". Спектакль играла южноафриканская труппа, вот уже девять лет развезающая по всему миру благодаря поддержке президента ЮАР Манделы.

Автор и постановщик — известный южноафриканский театральный деятель Уэлком Мсоми. Он увидел Макбета в жившем на рубеже XVIII и XIX веков южноафриканском вожде Шаки. Незаконнорожденный сын мелкого князя Шаки вместе с матерью был изгнан из его владений. Жажда власти, постоянно подогреваемая женой, привела к тому, что Шаки создал сильнейшую армию и захватил обширные территории. Он был убит сподвижниками. Его последнее восклицание, обращенное к ним, полно удивления и эмоционально сопрягалось с восклицанием смертельно раненого Юлия Цезаря: "И ты, Брут!"

Уэлком Мсоми создал эпическое полотно, насыщенное ритуальными действиями, песнями, танцами. И хотя видны параллели с "Макбетом", зулусский сюжет ближе к историческим хроникам Шекспира. Зулусские ведьмы — не "пузыри земли", но шаманы. Верховный шаман пророчествует Умбате власть. За главную роль играет опытный драматический актер Табани Патрик Шанини, в его репертуаре есть и Отелло. Актер органично существует в этом ритуальном действе, соединив в своем герое хитрого политика, страстного любовника и дикаря, находящегося во власти суеверий.

Зулусская леди Макбет (Дикетсен Мниси) несет самую большую психологическую нагрузку. В сцене с кровавыми руками она впадает действительно в экзотическое состояние. Подобно сомнамбуле, в замедленном ритме, подгоняемая только ей видимыми духами, она движется в Никуда в надежде обрести вечный покой.

Нельзя переоценить роль хореографа и музыкального руководителя спектакля Тули Дамакуде, жены постановщика. Как лучшая южноафриканская актриса она удостоена премии Лоуренса Оливье. За участие в оффбродвейском мюзикле "Поппи Ноггена" награждена престижной премией Оби. Знание национального фольклора и понимание драматической природы спектакля помогли ей придать ему масштабность. Ритуальные пляски, вызывающие восхищение, органичны и не прерывают драматического развития событий. Зулусский "Макбет" показал универсальность шекспировской трагедии.

В эти же дни в Королевском Национальном театре состоялась премьера "Отелло", созданного совместно с Зальцбургским фестивалем, художественным руководителем ко-

торого является Петер Штайн.

В первые минуты кажется, что спектакль поставлен Робертом Стурра: звучит африканская музыка, стремительно появляются люди в военной форме. Но очень скоро это впечатление рассеивается. В спектаклях Стурра всегда явлен универсум. "Отелло" в постановке молодого, но уже известного режиссера Сэма Мендеса, маргинален. В узком кругу решают судьбу Отелло и Дездемоны венецианские чиновники. Добродушный дождь относится к Отелло по-отцовски. Попивая вино, покуривая сигареты, сенаторы выносят решение отправить Отелло и Дездемону на Кипр. Все свершается буднично. Никаких намеков на ренессансные страсти. Скандал потушен.

Венеция и Кипр неотличимы друг от друга: и там, и там царят скука и проза. Отелло играет выпускник Королевской академии драматического искусства чернокожий Дэвид Хэрвуд. Его Отелло — молодой военный, христианин, о чем свидетельствует крест на груди; он постоянно читает; Яго в трактатке известного актера Саймона Рассела — грубый, примитивный солдафон, считающий себя обойденным по службе.

Кипр кажется краем земли. Скучная гарнизонная жизнь странным образом напоминает атмосферу "Поединка" Куприна. Монотонность жизни нарушается безобразными попойками и карточными играми, где главенствует Яго, эдакий Мефистофель местного значения. Яго с легкостью воссоздает пьяного Кассио против Отелло. Кассио в исполнении Колина Тирни — вызов традиции. Вместо благородного юноши — молодой задирис-тый петушок с печатью неудачника на лице, вполне персонаж из купринского "Поединка". После драки с Монтано, спровоцированной Яго, он появляется на костылях. Трагедия постоянно низводится до бытовых преступлений. Отелло доведен до предела пошлыми нашептываниями Яго, в результате которых происходит гарнизонная семейная драма. В

неуютной спальне, напоминающей комнату в офицерском общежитии, Эмилия заводит патефон и ставит пластинку с песней об иве, которую у Шекспира поет мучимая дурными предчувствиями Дездемона. С несчастным лицом душит Отелло Дездемону, сорвав с себя крест. Яго стреляет в опостылевшую ему Эмилию.

И тем не менее за всеми перипетиями следишь с напряженным вниманием, с ощущением тревоги. Неожиданно вяло текущая жизнь со скучным казарменным укладом поднимается на гребень, как в пьесах Пинтера. Именно обыденщина становится катализатором кровавой развязки, рождающей ощущение нестабильности, зыбкости почвы, в которой можно увязнуть в любой миг. Это отчуждение особенно ощущается в Отелло и Яго. Женские образы оказались на периферии и несут чисто служебные функции в режиссерской концепции Сэма Мендеса. И все же спектакль впечатляет именно абсурдистско-пинтеровским звучанием: будни превращаются в кошмарную явь, сотворенную одиозным, незащищенным в этом непредсказуемом мире человеком.

Влияние Пинтера на современного английский театр чрезвычайно. Оно ощущается в режиссуре, актерской игре и, в первую очередь, в молодой драматургии. В "Хэмстед Титэ" состоялась премьера пьесы Саймона Блока "Шимпанзе". Как и в пьесах Пинтера, у Блока перипетии внешнего сюжета — не более, чем повод для исследования внутренней жизни человека. Блок показал короткую историю молодой семьи, ожидающей ребенка. Пьеса начинается в эстетике "драматургии кухонной раковины", как именовали пьесы "сердитых молодых людей". Осборна, Дилейни, Уэскера в 50-х годах. Этот прием подчеркнут сценографией Брюса Макади, избравшего метод гиперреализма. На сцене подлинными предметами кухонного обихода. Режиссер Джемма Бодинетс нарочито подчеркивает тривиальное начало пьесы.

Зритель и сцена —

нальность МакДона, Эйслин О'Салливан. Судя по фамилии, она — ирландка, и ей близок и дорог мир спектакля. Ее Эллен — "гадкий утенок" с мальчишескими повадками. Не девичьи сильная, она умеет постоять за себя. Под ее ударами отлетают пристающие к ней подростки, томимые пробуждающейся чувственностью. Обаятельно в ее устах звучат соленые шуточки и острые словечки. Среди ее поклонников и Билли, его она бессознательно выделяет среди других. Эллен также в штыки принимает фильм, отталкивая от себя Билли. Но делает это без азарта, неуверенно, даря ему беглый поцелуй. На этих поэтических полтонах завершается спектакль, восторженно принимаемый публикой, среди зрителей много ирландцев, пришедших в театр целыми семьями.

Пьеса написана на так называемом англо-ирландском диалекте, трудном для восприятия иностранца. Но воссозданная на сцене чужая, далекая жизнь, исполненная скрытой поэзии, становится близкой. Стивен Дедалус, герой романа Джеймса Джойса "Портрет художника в юности" мечтал воссоздать "несотворимое сознание моего народа" (ирландского. — Г. К.). Мартин МакДона приблизился к этому. Ведущие театры страны — Королевский национальный театр и "Ройал Корт Тиэтр" — можно назвать кузницей молодой драматургии. И Саймон Блок, и Мартин МакДона — дети "Ройал Корт Тиэтра". Именно в нем в 1956 году состоялась премьера "Оглянись во гневе" Джона Осборна, тогда никому неизвестного драматурга. Это открытие театра было настолько значительное, что критика констатировала: благодаря пьесе Джона Осборна стало возможным называть английский театр современным. "Ройал Корт Тиэтр" открыл А.Уэскера, Д.Ардену, Н.Симпсона, Эдварда Бонда и позже — Дэвида Хэара.

При Королевском национальном театре вот уже двенадцать лет работает "Студия драматурга", занимающаяся поиском талантов и оказанием им помощи. Так был найден Мартин МакДона, в котором литературный менеджер студии Джек Брэдон увидел "архетип поэта мансарды с отличной хваткой и профессионализмом". Благодаря поддержке Студии он написал "Хромой из Инишмаана" и дебютировал в Королевском национальном театре.

В Лондоне Чехов соперничает с Шекспиром. Одновременно в разных театрах шли "Дядя Ваня", "Леший" и две "Чайки" — в "Олд Вик" в переводе Тома Стоппарда в постановке Питера Холла и в "Туринг Тиэтр". Духом моя рвалась в "Олд Вик", но Сидни Блейк направила меня в "Туринг Тиэтр". Он создан в 1993 году и является национальным. Этот передвижной театр считается одним из лучших в стране. В его репертуаре Шекспир, Шеридан, Ибсен, Уайльд, Мольер, а также пьесы Пинтера и молодых драматургов. В Лондоне своего помещения он не имеет, но играет на лучших сценах. Газеты были полны восхваления актрисы Черил Кэмпбелл, блистательной Аркадиной в "Чайке" "Туринг Тиэтра". Взяв в руки буклет, уже можно говорить о культуре театра. В буклете была дана история постановки "Чайки" в Александрии и в Художественном театре. Были и хорошо известные у нас фотографии: Чехов читает "Чайку" в Художественном театре, групповая фотография труппы со Станиславским и Горьким, и сцена из спектакля 1898 года с Книппер-Чеховой-Аркадиной и Станиславским-Тригориним. Привлекало внимание и размышление старшего актера Англии Тимоти Уэста "Чайка или актриса?"

Перевод пьесы, осуществленный Стивеном Малрайном, классичен и строг. Спектакль же в постановке Стивена Анвина меня очень разочаровал. Бесцветные Нина Заречная и Маша, заурядный скучный Тригорин, глупый доктор Дорн. Аркадина-Черил Кэмпбелл оскорбительно пошлая; странным образом она напоминает Шнейдершу из "Записок провинциала" Салтыкова-Щедрина, хотя она вряд ли знакома с этим писателем.

На спектакле лежит печать провинциализма, усугубленная костюмами Марка Баумана, облекшего персонажей в одеяния неизвестной эпохи и непонятного времени года. Отбывающая из усадьбы летом Аркадина наряжена в меха, безмолвная горничная приковывала взоры пейзажным костюмом, вероятно, "в русском стиле".

И только Треплев-Марк Бейзли — живая фигура в этом паноптикуме. Высокий, красивый, с волевым лицом, этот Треплев понимал свою художническую миссию. И оттого его недоигранная пьеса прозвучала как пьеса в пьесе, заставляющая думать о новом времени.

Решение уйти из жизни возникало в этом Треплеве неспонтанно. Оно было уже принято, и приход Нины только ускорил его исполнение. Актер заставляет напрячь нервы до предела. Закрыв за Ниной дверь, он медленно подходит к письменному столу, берет с рядом стоящего стула куртку, надевает ее, медленно направляется к двери, открывает, потом закрывает. Раздается сухой выстрел. Конец.

К этой минуте актер идет весь спектакль.

В первых сценах ощущается родство Треплева с Джимми Портером из пьесы Осборна "Оглянись во гневе". Но чем далее развивается действие, тем более отчетливее вырисовывается трагедия гамлетовского масштаба, приведшая его к роковому исходу. В сущности, "чайкой" в этом спектакле стал Треплев.

Шекспиром началась моя театральная жизнь в Лондоне и Шекспиром же закончилась. Наконец, я попала в "Открытый театр" на дневной спектакль "Сон в летнюю ночь". Солнце палило изо всех сил. Большинство зрителей раскрыли зонтики. У меня зонтика не было. Мне предложили покинуть мое законное место, взять стул в буфете и поставить его в тени. В этом театре царит демократизм: моему примеру последовали и другие обладатели "солнечных мест". Еще часть зрителей расположилась прямо на траве.

Деревянная сцена театра увита плющом. Актеры работают без микрофонов. Вокальные номера, которых в спектакле предостаточно, исполняются "вживую". С первых же минут воцаряется непринужденная атмосфера. Спектакль в постановке Рейчел Каванау откровенно эклектичен, напоминая веселый коврик, сшитый из ярких разноцветных лоскутков. Его как будто разыгрывает какая-то бродячая труппа. Обе влюбленные пары похожи на персонажей из комедий Оскара Уайльда. Шекспировские стихи в их устах звучат весело и иронично. Да и одеты они в костюмы той эпохи. Волшебный мир леса с эльфами и феями обернулся цыганским табором во главе с Обероном с серьгой в ухе. Цыганская вольная стихия захватила зрителей, с восторгом взиравших на огромного ревнивца Оберона, непокорную Титнаию, чем-то неуловимо напоминающую Кармен.

Что было действительно великолепно, так это труппа мастеровых, репетирующих, а затем разыгрывающих перед двором герцога трагедию о Пираме и Фисбе. Представление этой труппы в конце концов превращалось в пародию на основной сюжет. По английской традиции очаровательный озорник Пэк двигал действие. Трактовке этого образа в Англии придается большое значение. В историю вошел Пэк, сыгранный в 1856 году девятилетней Эллен Терри, будущей гордостью английского театра. В знаменитом спектакле Питера Брука 1970 года Пэк был опасен. Он был иррациональной силой, несущей страдания, несмотря на легкомысленные цирковые трюки, которые он с упоением исполнял. В спектакле Королевского Шекспировского театра 1989 года Пэк был автор и режиссер спектакля.

В спектакле "Открытого театра" Пэк-Джон Пэдден, изящный, с балетной пластикой, напоминает Керубино из "Женитьбы Фигаро" с его пробуждающимся и пока еще не осознанным эротизмом. Он вездесущ, в нем так и бурлят юношеские силы, захлестывает темперамент и жажда деятельности. Не со зла свет он кругом неразбериху, точь-в-точь, как в английской нелепице "Кругом царит такой сумбур, все в этом мире чересчур".

Лаконичная сценография Дэвида Нэпмана продиктована чудесной природой Риджент-Парк. Время от времени в действие включается публика, в очередной раз подтверждающая неограниченные возможности театра, которые Питер Брук называет "грубым театром", справедливо считая его театром на все времена. За короткое время мне удалось познаться с очень разными театрами, и я покинула Лондон, благодарная Английскому театру.

Сцены из спектаклей:
● "Чайка", "Туринг Тиэтр";
● "Хромой из Инишмаана", Королевский Национальный театр

Вернувшиеся из супермаркета молодые супруги рассовывают по шкафу продукты, кипит чайник; хозяйственные заботы прерываются поцелуями. Неожиданно появляются пожилой коммивояжер и молодой элегантный негр. С их приходом меняется атмосфера, пьеса переходит в иное русло. Коммивояжер продает неизвестно что; молодой супруг согласен приобрести "это", молодая супруга наотрез отказывается. В диалог включается негр, поучающий коммивояжера и супругов, как надо жить, чтобы преуспеть, как преуспел он. После ухода таинственных гостей ссора перерастает в безобразную драку, заканчивающуюся победой женщины. Кухня превращается в ринг, олицетворяя не только крах домашнего очага, но торжество мира, в котором побеждают сильнейшие. Собственно, супруг давно потерпел поражение, ибо он безработный дизайнер, оформляющий детскую книжку, которая никогда не будет востребована. Она — преуспевающая деловая женщина.

Универсальность ситуации, знакомой по пьесам абсурда, Саймон Блок наполняет социальным содержанием. Как объяснила Сидни Блейк, лет двадцать назад подобная пьеса не могла быть написана. Тогда в Англии женщины и чернокожие были выброшены из жизни. Ныне положение изменилось кардинально. Социология свидетельствует, что наиболее преуспевающими категориями населения стали женщины и черные, заняв место под солнцем.

Саймон Блок первым в драматургии показал обратную эволюцию: люди начинают превращаться в обезьян. Биологический закон — выживает сильнейший — оборачивается драматическим перерождением человека в животное. Симптом тревожный.

В Королевском Национальном театре состоялась премьера пьесы "Хромой из Инишмаана" — до "неприличия молодого", как писала газета "Тайм аут", двадцатилетнего Мартина МакДона. Он отмечен несколькими премиями, в частности за пьесу "Королева красоты из Линейна", о которой критика писала: "Это Тарантино, написанный Сингом". Мартин МакДона — ирландец, его пьесы так или иначе связаны с Ирландией, и в нем справедливо видят продолжателя традиций Джона Синга.

"Хромой из Инишмаана" связан непосредственно с очерком Джона Синга "Араанские острова", где Синг почерпнул сюжеты едва ли не всех своих пьес.

Сюжетом пьесы МакДона стал исторический факт. В 1934 году голливудский режиссер Роберт Флаэрти задумал фильм "Человек с Араанских островов", решив снять в главной роли коренного островитянина. Никто из жителей не согласился, кроме восьмидесятилетнего хромого Билли. МакДона сумел воссоздать суровые будни рыбаков, всякий раз, выходя в море, рискующих жизнью. Он показал отупевших от однообразия своего существования, спившихся людей, единственной усадьбой которых являются слухи, которые они сами выдумывают и распространяют. В этих балагурах и алкоголиках проглядывают "мастера всякие чудеса рассказывать про святую Ирландию", как писал о них Синг.

Режиссер Николас Хайтнер и сценограф Боб Кроули создали поразительную атмосферу. Доминирующий образ — серо-голубой океан, каменистый берег, усеянный скалами, грозный багряный закат, создающие ощущение вечного холода. На этом фоне разворачивается жизнь рыбацкой деревни. Представлено три поколения. Надо сказать, что единый актерский ансамбль в спектакле отсутствует. Старшее и среднее поколение актеров играют по старинке, с тяжелой добросовестностью. Молодые актеры превосходят их в осмыслении драматургии. Критика восторженно написала о дебюте на сцене Королевского театра Руди Конрой в роли хромого Билли, сравнив его с молодым Питером О'Тулом. Это, без сомнения, самая интересная фигура спектакля.

Билли-Конрой живет с удвоенной энергией. Рожденный на каменистом бесплодном острове, он вобрал в себя поэзию этого кусочка земли, затерявшегося в Атлантическом океане. Согласившись сниматься в Голливуде, он нарушил вековые устои своего края, дав сладостную возможность землякам посулудачить. Его пребывание в Голливуде обозначено одним штрихом. На прежнем фоне возникает одинокая пальма — знак жаркой Калифорнии. На узкой гостиничной кровати задыхается от кашля и тоски Билли, мечта о возвращении домой. Его встречают грубоватыми плоскими шуточками. Напротив его фильма собирается вся деревня, заранее враждебно настроенная. Билли окончательно превращается в чужака. Он не желает с этим смириться, ощущая кровное родство с этими грубыми, жестокими, но родными ему людьми.

Среди молодых актеров, попавших в то-